

ЛО "ВЕРНОСТЬ"

Монограмма

Бюллетень
Литературного Объединения "Верность".

М

г. Краснодар
1997г.

Друзья!

Вы держите в руках сборник Литературного объединения "Верность". Мы нашли возможность издать его, несмотря на сегодняшнее сложное время. Хотя, "сложным" называли не только наше время – и жаловаться на него грешно.

Сборник получил название "МОНОГРАММА". Так называют сплетенные воедино инициалы, которые представляют сокращенную подпись, метку автора. "Мы – числа и символы божественной монограммы, чей подлинный смысл нам неведом", – говорил аргентинский писатель Борхес. Нам действительно неведомо, откуда берутся те символы, из которых складываются литературные произведения. Но они перед вами, дорогой читатель.

"Верность" выражает благодарность Людмиле Карловне Черныш, Татьяне Алексеевне Серебровой, Наталье Станиславовне Натыкач, заведующей библиотекой Краснодарского гарнизонного Дома офицеров, предоставивших материалы о нашем Литературном объединении прошлых лет. Мы смогли поднять его из руин, несмотря ни на что, и надеемся, что этот сборник только начало нашей активной деятельности. А все те, кто хочет пополнить наши ряды, приходите, мы ждем вас: Красная, 57, зал заседаний, в 18-00 каждую среду.

Виталий Бондарев,
председатель
ЛО "Верность".

Монограмма № 1

Сентябрь '97

Выходит с сентября 1997 года

Номер выходит на средства авторов

В НОМЕРЕ:

Е. Архангельская	П.Жарко
В. Бондарев	В. Иванов
Л. Волкова	И.Карасев
А. Голубцов	А. Передереев
А. Горбач	И.Соколова

Литературное объединение "Верность"

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Е. Архангельская
В. Бондарев
И.Карасев

Ой редакции

Через три года Литературное объединение "Верность" будет праздновать свой юбилей — 70-летие. А пока ему лишь 67. "Верность" родилась в год начала коллективизации и первой пятилетки, но в отличие от них жила и поныне.

В 1929 году известный писатель и журналист Владимир Ставский выпускает сборник очерков под названием "Станица", в 1931 — роман "Разбег". Между двумя этими событиями, в жизни В. Ставского было третье, не менее знаменательное событие: в 1930 году он собирает вокруг себя поэтов и писателей в первое в Советском Союзе литературное объединение, имя которому по воле судьбы стало "Верность". Кроме Владимира Ставского Литературным объединением "Верность" в разные годы руководили: Павел Иншаков, Юрий Абдашев, Илья Филиппенко, Юрий Сальников, Василий Попов, Светлана Кудряшова.

Из стен "Верности" вышли такие творческие личности, как Кронид Обойщиков, Виктор Иваненко, Афанасий Костенков. Члены литобъединения не были замкнуты только на себе — они организовывали встречи с воинами при Краснодарском Доме офицеров, жителями Кубани, кроме того выпускали сборники своих произведений /в частности "Золотые звезды Кубани" стала поистине золотой книгой и переиздавалась неоднократно/.

Несмотря на свой столь почтенный возраст, преодолевая годы войны и различные испытания, литобъединению пришлось пройти и через измену — казалось, что время потекло вспять с начала 90-х. Но питомцы, верные своей "Верности" не дали умереть старейшему в нашей стране литературному объединению. И сегодня в "Верности" все как много лет назад: традиционные по средам встречи, знакомство с новыми произведениями и интересными людьми. На одной из последних встреч в ЛО "Верность", которым руководит поэт Виталий Бондарев, было решено возобновить выпуск сборни-

ков писателей литобъединения.

Сегодня "Верность" активно работает с молодыми литераторами и рада всем, кто полон творческих сил или наделен хотя бы частичкой таланта — так уж повелось в литобъединении много лет назад. Повелось быть верными себе, традициям и друг другу...

Елизавета Архангельская

ж ж ж

В грустных, узких и кривых
Улочках, полных дождем
Бродил прохожий.
Он просто шел. И очень
Удивлялся этому.
Он заблудился в лабиринтах
Памяти. Кривых желаний.
Сфер мыслей. Но он шел.
Уверенно, не зная зачем,
Но вперед. К цели. Она
Маячила на горизонте
Жизни. И он хотел ее
Достичь. Это было его
Заветной мечтой.
Но он не знал.
Какая она. И шел.
А когда пришел
И увидел, понял,
Что заблудился.
В себе. Во всем.
И это не его горизонты
Жизни. Чужие...
Прав он или нет,
Он не знал.
И не узнает никогда,
Потому что
Переступил горизонт.
И больше здесь
Его не видно...

Флейта.

Ветер. Тучи. В домах пустота.
Людей не видать никого.
Город как вымер. Кругом — чума.
А где-то играет флейта,
Давая знать всем:
"Город живет, город дышит!
Пустота не в домах — в душах..."

Серые тучи заволочили небо.
Смерть отступила — город живет!
И на улице было жаркое лето.
А где-то играла флейта.
И кто-то сказал: "Пир во время чумы".
А флейта старалась доставить радость
И заиграла симфонию Моцарта.

Смерть сама спустилась в город.
Город мраком окропая.
И кто-то пытался уйти от чумы.
А где-то играла флейта.
И не Смерти послабе, а флейте
Муж в предсмертии промолвил:
"Будь ты проклята! Замолчи!" И... умер.

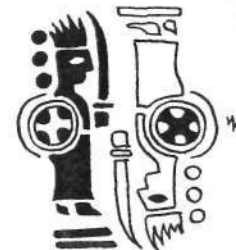

A black and white line drawing of a nude woman blowing a long, decorated flute. She is standing next to a tall, thin structure resembling a gallows or a post. In the background, there is a silhouette of a town with a church spire. In the foreground, there is a skull and some stalks of grain.

Fridda

[Signature]

Мне нужен враг!
Который мог бы ненавидеть
Всю суть мою до корешков волос.
Мне нужен враг!
В котором мог я видеть
Свое освобождение от грехов.
Мне нужен враг.
Чтоб мог я уважать его,
Чтоб честен был и смел.
Мне нужен враг.
Как очищение от всего
Который в сердце
 кровь бы подогрел.
Мне нужен враг!
И вряд ли без него
Могу я сделать что-то.
Мне нужен враг.
Но только — враг, не вор,
Который бы урал мои пороки.
Мне нужен враг.
Но нет его
 как будто мне в укор.
От этого испытываю муки.
Мне нужен враг:
Меня так много
Стало на земле.
Мне нужен враг.
Чтобы понять, кто настоящий я,
Где место мое!
Мне нужен враг!
Чтоб мог его любить
Лишь только так
Свои пороки можно победить!

Ювслакси уѣ дуся
Ее итѣяны бле муся
Енми лашемен билсе
Янеми лишуден билсе

* * *
 Сделай людям добро
 И тебя уничтожат они.
 Сделай людям добро
 И тебя возлюбят они.

Впереди мутный свет -
Ты живешь для себя.
Впереди яркий свет -
Ты живешь для всех.

Ты не любишь огни,
Потому что устал любить.
Ты не любишь огни,
Потому что не знал зачем жить.

Ты не видел любви
И поэтому ты никого не любил.
Ты не видел любви
И поэтому жил как жил

Ты не знаешь где счастье искать.
Все, что было ушло.
Ты не знаешь, как заново жизнь начать.
И уже рассвело.

Ты идешь по тропе
Неизвестно куда, зачем.
Ты идешь по тропе.
Идешь в вечность и с тем,

Чтобы жить для себя,
Чтобы жить для других,
Никого не любя,
Но любя лишь миг.

Впереди вновь провал -
Так шагни.
Впереди вновь провал -
Так взлети.

✱ ✱ ✱
Я вышел рано. Чуть светало.
И, взяв с собою лук и стрелы,
Пошел туда, куда судьба позвала.
И птицы мне в дороге пели.

Была тропинка узка и скользкая,
И солнце медленно вставало.
Моя мечта была еще жива,
Хоть постепенно умирала.

А я ее лелеял и лечил.
И город свой покинул, чтоб ее спасти,
Но этим только я ее добил.
И чистый воздух было ей не вынести.

Похоронив мечту свою
На великой вершине безумства,
Я спускаюсь теперь к ручью
Охлаждать свои чувства.

Надежда рождается первой.
Море жизни.
Легкая зыбь убаюкает иногда...
Так хотелось счастливой быть!..
Налетает штормом Беда.

Только вынырнешь,
только вздохнешь
И с НАДЕЖДОЙ на мир глядишь...
Так легко, так славно живешь...
Снова Буря!!!

Перетерпишь.
Буря прошла.
Жизнь опять хороша!
хо-ро-ша...
Море жизни. Легкая зыбь.
Ничего не забыть...

Надежда рождается первой.
Еще человека нет...
Вечность втекает в нервы
Наступает рассвет...

Мечемся,
мучимся,
охаем:
"Что впереди? - скажи?..."
Но с НАДЕЖДОЙ -
/ хоть с самой крохотной / -
Хочется жить.
Хочется жить!

Век расчетливый.
Век издерганный, нервный.
Потный, подлый и пошлый век...
Но рассвет не угас!
Нет, рассвет не угас.
Не у-га-а-ас...
Надежда рождается первой,
А умрет после нас.

Колесо Созидания.
Верблюдом был мой Дух.
Был терпелив, неутомим, нетороплив, покорен
Став на колени, позволял себя навьючить.
И кто угодно нагружал его!
Ташили беды, горести, невзгоды...
Взгромождались сами.
Верблюд терпел. Молчал. Жевал свою колючку
Но... Годы шли. Верблюд устал.
И дух Верблюда вселился в грозного Царя Пустыни.
Лев взрычал:
--Хочу! Хочу, а значит, все могу!
Но Некто в чешуе блестящей, Льву возразил:
--А - Долг? Ты должен. Ты должен человеку
послужить.

Лев зарычал:

—Я выше Долга!

Но. Время шло. И Лев устал, смирился

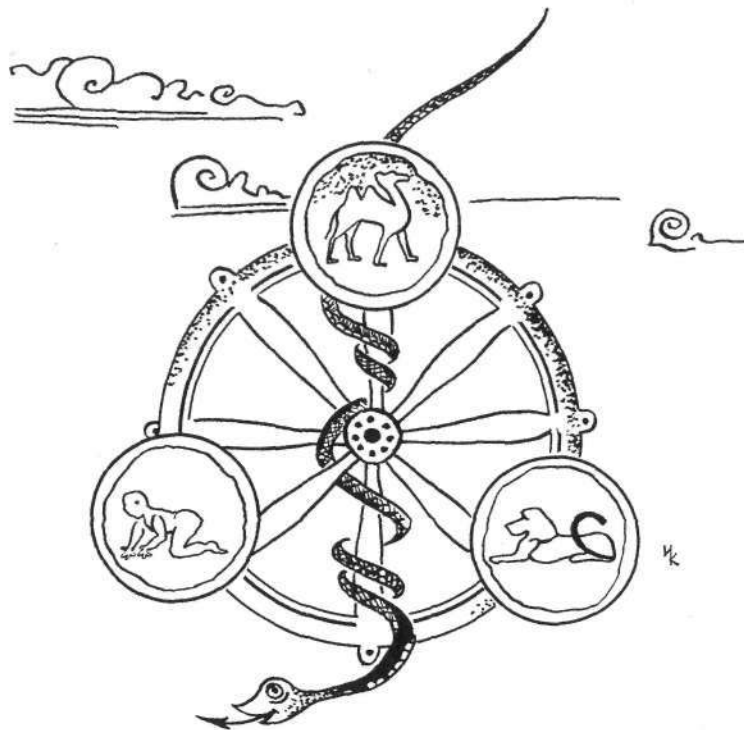
Лев одряхлел.

И Дух его вселился и... явился в облике
Ребенка

Ребенок лепетал: Да!

Да! Да! — лепетал Всему Живому.

И Созиданье покатилося Новым
Колесом.

„Мужно тямало нести; но не прихорашайтесь не
такою нешнейкой! Мнѣ же прекраснѣе
брюшныя олад и оладушки.“

Ф. М. Достоевский

И СМЕХ, И...

Когда вечером Яроп Мартынович пришел с работы домой, соседка по квартире тотчас же доложила ему:

—Вами тут интересовалась какая-то красотка!

—Вы конечно попросили, чтобы она приходила, когда я бываю дома? — спросил Яроп Мартынович.

—Я пыталась! Но разве с ними, с нынешними, ершистыми можно разговаривать? Они и слушать не желают!

—Как она?..

—Молодая! Чересчур молодая! Я думаю, не более двадцати лет будет.

—Еще?..

—Красивая!

—Еще?..

—Невысокая росточком. Черноглазая...

—Племянница, наверное!..

—Нет! Племянницу вашу я знаю.

—Так кто же тогда?

—Вот и я подумала, кто бы это мог быть?

—Что-то же она сказала?

—Сказала, что хотела бы повидаться с вами.

—И только?

—Больше ни слова!

—Странно...

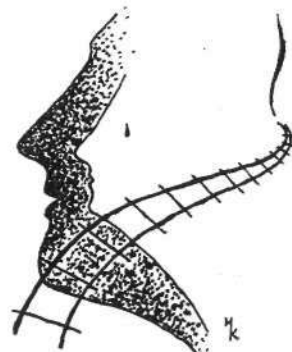
—Я тоже была в недоумении...

На следующее утро Яроп Мартынович сказал соседке:

—Кажется, я догадался кто это приходил вчера! Сорок лет тому назад, когда мне было всего-навсего каких-то двадцать, в один прекрасный день посчастливилось мне встретиться с молодой, красивой, невысокого росточка, черноглазой девушкой. Это была сама прелесть! Помню, и характер у нее был ершистый. Правда это только усиливало ее привлекательность... Наше знакомство продолжилось всего лишь три часа, пока мы ехали в переполненном сверх всяческих пределов поезде, в котором и поговорить-то как следует было невозможно. На конечной станции при выходе из вагона я тут же попытался назначить незнакомке свидание. На это она ответила, что теперь-де такое никак не осуществимо, но, что когда-нибудь, потом она обязательно воспользуется моим предложением... Если, естественно, я оставлю адрес!.. Надо ли спрашивать, — я, конечно же, назвал адрес, не раздумывая!.. С тех пор она не подавала никаких сигналов. И вот, теперь... Я уверен — вчерашняя гостья, это была она!

—О, вы только посмотрите, как это изумительно, какая молодчина! — воскликнула восторженно соседка. — Через столько лет сдержать слово... Вот — случай, достойный романа!.. Знаете, Яроп Мартынович, давно хотела сказать, я всегда была самого хорошего мнения о ваших знакомых. Даже о тех, которые, помните, под Новый год по выбивали стекла в окнах вашей квартиры. Даже о них... И вот теперь еще эта. Ах, как это трогательно!.. Через столько лет...

—Да-да! — с трудом сдерживая смех, согласился Яроп Мартынович.

* * *

Этим лунным вечером осенним
Мы сидим на берегу реки.
Там, где в прошлом сочинял Есенин
Молодые, страстные стихи.

Ива над водой, склонившись, плачет,
Опустилась в голубую муть.
Наша встреча ничего не значит,
Нам уже былого не вернуть.

Зашуршал камыш, обнявшись с ветром,
Утонула в облаках луна.
Как прекрасны ночи были летом:
Наслаждайся, милый друг, сполна!

Взоры устремив на гладь речную,
Мы молчим, быть может об одном,
Вспоминая молодость шальную,
Белые березы под окном...

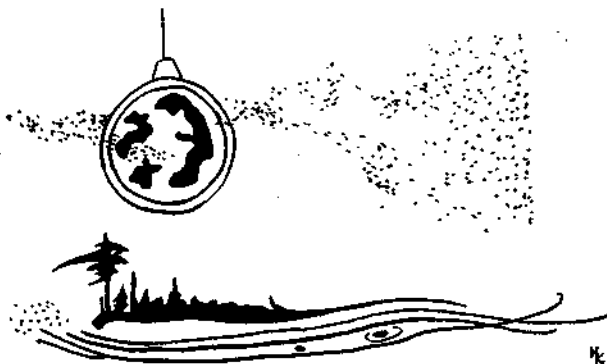
Сладость чувств погаснет в крепком теле
И очарованье темных глаз.
Как же долго мы с тобой старели
И как быстро молодость неслась

* * *

Какая ночь! Я утопаю в ней...
И воздух пьян, и колышет ветер
На стройной ели множество огней,
Манящие в пурпурно-желтом свете.

Померкнет мысль страдающей души,
Замедлит кровь свое движение.
Я погружаюсь в сон ночной тиши
Спокойно, плавно, без скользенья.

Я обожаю ночь! Я... растворяюсь в ней.
Тяжелый сон приносит облегченье
И только он - мое спасенье
Среди безжизненно-игрушечных огней.

Орфей.

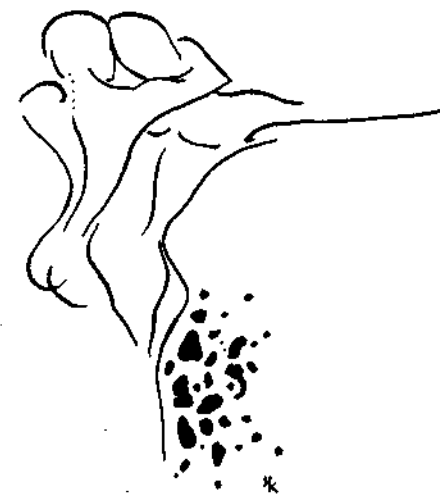
Ветер приносит слова с тех полей,
Где мы встречались с тобой, мой Орфей.
Клевера запах душистый и тонкий,
Плач журавлиный, как у ребенка.

Помнишь как ты меня слушать учил
Шорохи, стуки и ветер в ночи?
Помнишь, как пили с листа мы росу?
Ласково мне расплетал ты косу...

Нежно бросал мне волос на плечи,
Произносил заповедные речи.
Только с небес наблюдала луна:
В поле пустынном лишь мы и она.

Ровно дыхание в ночной тишине.
Ты признавался в любви только мне.
Колос не гнулся и ветер молчал:
Верно всю жизнь ты любить обещал.

Только не сбылись слова те твои
И унесли их на кры журавли.
Томно пожелтела трава тех полей,
Где мы встречались с тобой, мой Орфей.

РОМАШКИ.

Утро сегодня просто потрясает! Тепло, светло, воздух свежий! Весна идет! Как-никак середина марта!

Настроение у меня под стать погоде - светлое, теплое. Правда, на первую пару опаздываю, но это дыло несмертельное: огорчаться не стоит.

Просто я сегодня поздно проснулся. Продрал глаза, посмотрел на часы и охнул. Тут уж, понятное дело, не до завтрака - конспекты в кулек, наспех оделся и бегом на остановку.

В троллейбусе людей было немного, даже места свободные были. Но садиться мне не хотелось. Мне хотелось двигаться, бегать, смеяться. Вот как на людей действует весна!

Недалеке от меня стояла девушка, лет двадцати. Красивая-красивая. Вижу, она на меня взглянула и улыбаться начала. Смотрит на меня и улыбается. Я тоже не выдерживаю и начинаю улыбаться. Пока еще до университета далеко, можно подойти и познакомиться. А вдруг, - судьба? Ну, все, сейчас подойду.

И вдруг, она начинает фыркать, глядя в мою сторону. Это меня немного обескуражило, но это, наверное, она смеется над моей робостью. Все! Сейчас точно подойду.

И только я набрался храбрости, как троллейбус подошел к остановке, и она вышла. Выйдя из троллейбуса, она оглянулась на меня и опять засмеялась.

Ну, ничего страшного: если по университету побегать - покрасивее найдешь. Однако! Нужно узнать, который час - так ведь и опоздать можно. Подошел я к двум мужикам.

—Который час? — спрашиваю.

Они посмотрели на меня и улыбнулись. И я им в ответ улыбнулся /на улице такая погода, что не улыбаться просто нельзя/.

—Без пятнадцати восемь, - говорит один и продолжает, - Что, парень, весна наступила?

—Ага, - говорю.

Нашелся-таки человек понимающий.

—И правда, - весна! - говорит он, - Ромашки зацвели.

Тут они оба расхохотались и я вместе с ними. Веселые мужички, шутники прямо. Конечно же никаких ромашек еще нет.

Вот и универ. Слава богу, не опаздал: время еще есть.

Какой замечательный сегодня день! Двум гардеробщицам сдаю куртку, улыбаясь им аж цветущим от радости. И они улыбаются. Дай, думаю, я им хорошего настроения добавлю. Увидел на тумбочке вазу с розами и говорю:

—Какие у вас цветы замечательные!

Одна мне отзвечает:

—А как же! Это тебе не ромашки!..

И обе начали просто трястись от смеха. Я тоже посмеялся сколько мог, но только задерживаться не стал: времени мало.

Иду по коридору, спешу в аудиторию. Навстречу мне - две студенточки - девчоночки лет восемнадцати. Иду, неторопясь. Одна меня увидела и, вдруг, ни с того ни с сего начала петь:

—Ромашки спрятались, поникли лютики...

И обе покатались со смеху. Я прошатал мимо, ничего не сказал, но что-то меня начало беспокоить. Чего это сегодня все о ромашках говорят? Может прикол новый в моду вошел? Типа, как раньше: "Купи слона." Ладно, думаю, сейчас проверим.

Подхожу к аудитории. Дверь закрыта. Уже сели. Опоздал-таки минуты на две. Ну, ничего: настроение все равно праздничное. Дай, думаю, пошучу. Постучал, открыл дверь. Захожу - полная аудитория. На кафедре Белоглинская - веселая женщина, шутку любит. Ну, я и пошутил:

—Здравствуйте, - говорю, - Извините, что опоздал... Я ромашки собирал.

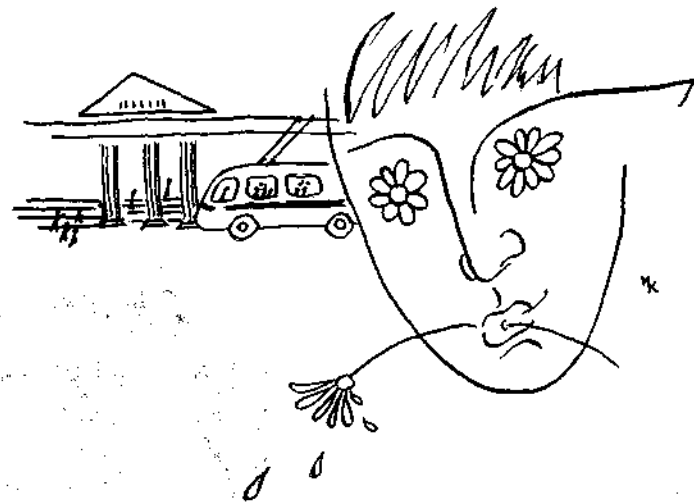
Я не ожидал, что моя шутка вызовет такой взрыв смеха. Точно это новый прикол в моду вошел. Ну, ромашки эти... Только вот что-то смеются они дольше, чем можно смеяться такой шутке. Странно что-то. Прямо от смеха дохнут. Многие уже покраснели, другие на столах валяются. А Белоглинская к доске прислонилась и от хохота вздохнуть даже не может. Что-то не то. Стою, смотрю на все это и чувствую себя полным идиотом. Ничего не предпринимаю.

Тут Белоглинская отсмеялась и говорит:

—Голубчик, выйдите в коридор. Там зеркало...

И опять захохоталась от смеха.

Я, ничего не понимая, вышел в коридор, подошел к зеркалу и обомлел: сквозь распахнутую ширинку на белый свет глядели мои белые трусы, украшенные узором из этих чертовых ромашек.

О ЧЕМ НЕЛЬЗЯ СПРАШИВАТЬ.

Кирилл Кириллыч знал, что его друг Фока давно умер. А тут — прямо нос к носу встречается Фоку...

"Ка-а-ак?! — чуть не спросил, — Как? Разве ты не умер?! — но вовремя вспыхнул. Не спросил.

Вот ведь бывает! Думаешь, что человек давно — того... "Земля духом". И вдруг, видишь его живым и шустрым. Даже как-то обидно.

А Фока тоже глядит: у Кирилла рожа мятая, жеваная, серая, — как из старой портянки пережитая. Под глазами в мешках вся трудная биография...

Чуть не спросил: "Пьешь, конечно?" Но — вспыхнул.

И Кирилл глядит: Фока худой, небритый. Пиджак без пуговиц, рубашка грязная.

Чу-у-ть не спросил: "Что? Жена бросила?" Но вспыхнул, прикусил язык.

А Фока вспомнил, что года два назад Кирилл судился с кем-то из-за чего-то. Грязное, сквальное дело. В чью пользу оно получилось? Чуть было не спросил... Воздержался. Да! А еще он все носился со своим сборником каких-то стихов. Хотел, что ли напечатать. Ничего, наверное, не получилось. А! Лучше не спрашивать.

А Кирилл вспомнил, что ведь у Фоки-то был побочный ребенок. Славенький такой карапуз. Небось теперь-то уж вырос — дылда стоевская? Да... лучше не спрашивать.

Вот ведь: откроешь рот и не знаешь, о чем нельзя спрашивать. Да-а... Стоят, языки прикусили, глядят друг на друга... Давно не виделись. Мда-а... Ничто так не старит, как возраст. Стоят, а о чем говорить — не знают. И об этом, вроде, "неудобно", и об том — "ни к селу, ни к городу". А эпоха-то ныне опять переломная... А что такое перелом? — значит лежи в гипсе, растянутый на доске. Не шевелись — авось срастется. А если не так срастется — значит опять ломать и опять — гипс.

Стоят Кирилл и Фока — глазами дупают. Спросишь: "Как живешь?" Это, вроде, пошлость. "Как? Да — никак. Как все".

Стоят, молчат. Сколько можно молчать?

— Ну, ты на тех выборах за кого голосовал?

— Да я не ходил. Что-то, занят, что ли был? Не помню.

— А на этих за кого голосовать будешь?

— Ну, до этих еще надо дожить.

— Да-да. Конечно, конечно. Что-то мы с тобой совсем... Встретимся как-нибудь. Посидим.

— Да-да. Конечно, конечно. Как-нибудь созвонимся.

— Да-да. Созвонимся. Ну, бывай.

— Ну, валяй. Рад был тебя увидеть.

— Да-да. Конечно, конечно. И тоже.

ж ж ж

Распалась связь времен...

ЗАТОН.

В очередную среду собралась редколлегия альманаха "Затон". Почему "Затон"? Это название предложил Расул Кикимора — инициатор альманаха. Расул живет на затоне. А Расулу в мелочах надо уступать, потому что, при его темпераменте, он сразу топает ногой и брызжет слюной. Ну, ладно. "Затон" — так "Затон". Лишь бы альманах.

На повестке дня вопросы:

1. Утверждение псевдонимов;
2. Банкет по случаю первого номера альманаха;

3. На какой бумаге печатать? /Лучше бы на туалетной: охотнее станут поку ать/;

4. И, наконец, — слушание криминала: Почему Светлана вцепилась в волосы Анжеле? И когда это кончится?

Псевдонимы утвердили сравнительно быстро: Степа Ласковий, Марк Кромешный, Селя вежливый, Аркаша Вошлый, Светлана Хмарь, Анжела Чарская, Иван Осминогов, Лермонтов Второй, Иванов Седьмой, Бондарев Третий и Анастасия Зайчик.

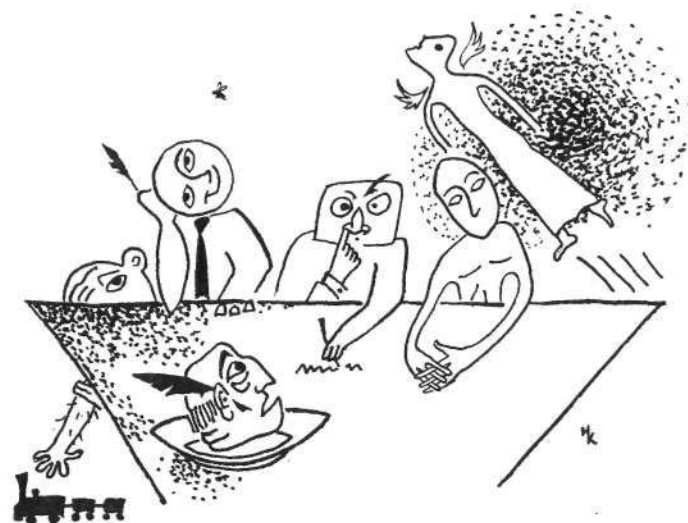
По второму вопросу: банкет решили заменить облегченным фуршетом "на скоростях".

На счет бумаги решили не уточнять. Печатать на той, какая будет.

А о конфликте Светланы с Анжелой вопрос отпал: они помирились, сидели рядом и целовались.

Заседание редколлегии подходило к концу, когда слово взял долгожитель Кондрат Иванов Седьмой и важно начал вещать: "Молодые люди! Произведения ваши, которые вы отдаете в рукописи, следует непременно подписывать /рукописи тоже следует сохранять/, ибо это документ. Ну, вообразите! Вот вы, Степа. Или вы, Марк, написали безобразную сказочку. А шутник-наборщик в типографии — возьми да и вставь какие-нибудь два слова или одну фразу. И сказочка обретает конкретный адрес: она задевает какого-то имярека. Имярек лишается чувств и подает в суд на автора и на альманах "Затон". И суд за моральный ущерб почему-то определяет штраф — 50 миллионов. Как вы докажете, что политики там не было? Что фраза влетела по недосмотру корректора. Одним словом, дело издательское — сквальное и..."

Долгожитель Кондрат все говорил и говорил, и говорил, а молодежь уже разбрелась — кто в буфет, кто на дискотеку — кто куда.

* * *

Скажи мне, что такое красота?
В какую форму та заключена
В мужское тело ли она облачена
Иль в женской плоти она тайно скрыта

Кого любить? Безмолвную сосну
Что затерялась в чаще темно-серой
Иль рыбу, чьи бездонные глаза
Слезятся от воды прозрачно-белой

Ведь ты живешь, как листья на ветру
Трепещешь в суете и умолкаешь
И повторяешь: Больше не умру
А после привыкаешь забывать

Но разлагаясь в чреве глинозема
В тебе все та же тайна будет скрыта
Ты продолжаешь жить и умирать
В незримых переходах лабиринта

Твоя судьба — искать и потерять
За далью голубого окоёма.

* * *

Старуха смуглая под старою луной
Расчесет гребнем волосы тугие
И платье белое с прозрачною фатой
У старой речки, оглянувшись скинет

Она качнется, словно ива над водой
И бросит в речку перстень оловянный
Старуха смуглая морщинистой рукой
Сплетет венок из лктиков жестяных

В век старости
усталости
и снов

Ты не дыши, пока цветет болиголов

Здесь отдохни средь муравьев и жаб
Скажи мне, чей ты раб?

Встреча.

На глади озерной качалась листва
В саду опустевшем играла луна

На шее твоей одинокий брильянт
Как мутное око на звезды взирал

В глазах твоих сумрак, боязнь тишины
Мы встретимся позже, у черной сосны

Все это случится легко, как во сне
И мир покачивается в нездравом уме

В бесшумную реку стекала луна
На лике застывшем играла листва

Остался в траве голубой брильянт
Он найден был мной лет 120 назад.

Сестры.

Была у Осени любимая сестра
В туманах утренних она ее скрывала
Играла с ней в тиши дремучих трав
И все тогда на свете забывала

Но Солнце — непутевый ухажер
Украдкой сквозь тростник
он посмотрел и, вдруг
Открыл внезапно тайну двух сестер
И шар земной он выронил из рук

На белой лошади проносятся зима
Играя солнцем в жемчуге холодном
И меркнет день, смеется Месяц злобно:
"Была у Осени любимая сестра".

Спотворное.

Ежи, кабаду и сатиры
Живущие в чаще лесной
Жующие корень аира
Таитесь в полуценный зной

В дремучих ветвях средь соцветий
Скрывая движенья свои
Глядите, как в гаснущем свете
Свой хвост распускает павлин

О вы, едоки сердцевин
Сосушие влагу земли
Жуки, муравьи и ундин
Что в щели сосны залегли

Точильщики крыльев Зола
Владетели мха и берез
Цедите слюну богомола
Из гневом налитых желез.

ПРИЗНАНИЕ.

—Я должен признаться вам в самом страшном преступлении, — заявил парень двадцати шести лет, вошедший в кабинет инспектора Савельева.

За свои тридцать пять лет работы, следователь по особо важным делам Василий Родионович Савельев, десятки раз выслушивал признания, и все они примерно так и начинались.

Василий Родионович поправил седой вихор и, машинально убрав папку с делами в стол, произнес уже отработанную фразу:

—Ну что же, выкладывайте, что там у вас?

Парень подошел к столу и, передернув плечами, сел напротив следователя.

—Только я попрошу вас отнестись с полной серьезностью к тому, что будет мною сказано.

—Да, конечно, я для этого и сижу здесь, — отозвался следователь, удобно усаживаясь на мягкий, потертый стул.

—Я не стану подробно рассказывать, что побудило меня сделать ЭТО, скажу лишь о том, что сотворил. Вы слышали когда-нибудь о Фазтоне? точнее о гибели этой планеты?

Не ожидая такого вопроса, следователь Савельев выпучил глаза на странного посетителя.

—А в чем собственно дело? — ответил он вопросом на вопрос.

Посетитель задумался на несколько секунд и, слегка махнув рукой, произнес:

—Хотя это не столь важно, знаете вы об этом или нет. Так вот, я есть именно тот, кто погубил планету Фазтон.

Савельев, допивший в это время холодный чай, чуть было не поперхнулся и выскочил из-за стола. Его лицо мгновенно стало похожим на очищенную свеклу.

—Какого черта вы несете?! Вы в своем уме? — рявкнул следователь.

—Не нужно так нервничать: я еще не все рассказал. Вы должны мне верить. Я действительно это сотворил и признаю себя виновным.

—Что за бред. Вам явно нужен врач. Вы хоть немного соображаете, что говорите? Да и как вы это сделали —

распилили, подорвали динамитом, вызвали природные катаклизмы? — кричал, еще более распаляясь, следователь.

На лбу его выступила испарина.

—Нет, я погубил планету с населением восемь миллиардов в один миг и, конечно же, не так, как вы предполагаете.

—Все! С меня довольно! Я с психами не общаюсь: не мой профиль. Идите куда подальше! Пусть вами психиатр занимается.

Здесь УТРО — мы в тюрюгу сажаем, а вас сумасшедший дом ждет, — продолжал белениться Савельев. Тут же он пододвинул телефон и, быстро набрав номер, произнес:

—Вас беспокоят из уголовного розыска. Срочно пришлите к нам одиннадцатую бригаду: к нам ваш пациент забрел. Диктую адрес...

—Зачем вы это сделали, товарищ следователь? Я еще не объяснил как все получилось.

—И не надо! В дурдоме расскажешь, — Василий Родионович потянулся к кнопке вызова охраны, но, к его удивлению, рука остановилась на полпути. Неведомая сила стальной хваткой удерживала кисть над кнопкой.

—У нас мало времени, — сказал незнакомец, глянув на наручные часы, — поэтому я продолжу. Признание в этом преступлении — не самое главное. Главное, чтобы мне поверили. Это обязательное условие, иначе я никогда не вернусь в Космическую Иерархию, а следовательно, я не смогу действовать. Вы мне верите?

—Отпусти руку, козел! Кто может верить в твой бред?

—Не знаю, поэтому и повторяю свое признание на протяжении нескольких тысяч лет.

—И я не верю! Убирайся ко всем чертям! Не верю!!! — орал следователь, брызжа слюной.

—Но я должен закончить свое признание. Предложенные вами способы уничтожения целой планеты земной группы потребовали бы большого потенциала энергии, коей я не обладаю. Я сделал куда проще, — составляя новый список планет Солнечной системы по заданию руководства /мы это делаем периодически/, я просто не внес туда Фазтон из личных соображений. А когда все-таки решил исправить ошибку, было уже поздно: документ прошел утверждение в верхах. И лишняя планета, с ничего не подозревающими жителями, была уничтожена со строгим соблюдением Космических законов.

Историю о гибели планеты Фазтон я рассказывал в разные времена по-разному. Моя цель была одна, — чтобы люди поверили, но... Откуда появились красивые легенды, псевдонаучные гипотезы; фантасты вздохнули писали свои романы о страшной участи, постигшей Фазтон. Но пришло время, чтобы люди узнали истину и поверили в нее. Пока вы, Василий Родионович, — единственный, кто ее узнал. —Нет, не верю и не поверю никогда! — кричал багровый Савельев. —Очень жаль, а я так надеялся. Да, я совсем забыл вам представиться — бывший старший инспектор архива Космической Иерархии АРМАГЕДДОН.

—Простите кто?! — переспросил, бледнея на глазах, следователь.

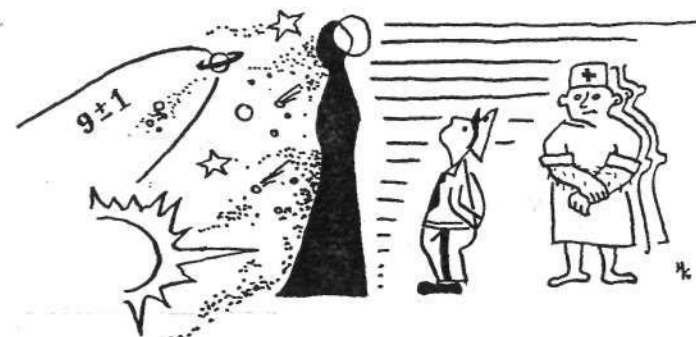
—Да-да, вы, Савельев, не ошиблись. Меня зовут Армагеддон, — повторил незнакомец с улыбкой, быстро поднялся из-за стола и произнес:

—Ну, мне пора — вижу, что вы мне поверили. Теперь я смогу снова приступить к исполнению своих обязанностей. Кстати, и время уже подошло составлять новый список планет Солнечной системы. Может он будет состоять из девяти, а может из восьми планет — пока не знаю... Не смею больше вас задерживать. Прощайте!

Незнакомец исчез за дверью. Тут же появились санитары, и они оказались кстати...

1-Фазтон — в греческой мифологии божество, которое не удержалось в Солнечной колеснице и погибло, чуть не спалив в огненном жару Землю. В астрономии — гипотетическая десятая планета Солнечной системы. /Прим.ред./

2-Армагеддон /от еврейского "гора у города Мегиддо"/ — в христианстве место роковой битвы всех народов на исходе времен. У некоторых протестантских сектантов — обозначение самой битвы. /Прим.ред./

Прости-прощай.

Прости-прощай.
Последний поцелуй.
Меня печаль уносит в даль,
Куда уносит лишь мечта,
Царевне путь указывая дальний.
Туда, куда, все страсти хороня,
Царица слёз все беды стережёт.
Туда, куда ромашки счастья
Любимой принц везет.
Туда, где нет ненастья,
Но нет там и тебя...
Зачем мне этот путь?
О, милый друг,
Открой мне дверь скорей...
Я выйду...
Я не скажу прости
И не скажу прощай.
И этот поцелуй
Не станет для меня последним.
Пускай я буду ведьмой,
Но я люблю тебя.
Прости за всё,
Но не прощай...

О, ПОЭТ!

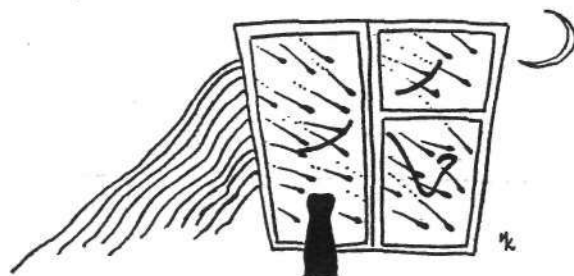
Одно из самых главных дел, которые ты должен сделать в этой жизни — это воспеть дождь. Воспеть так, чтобы каждый мог понять его прелесть. Ощутить и почувствовать его теплые, как слезы и легкие, как поцелуи, капли; постичь его бездонную глубину и охватить взглядом те облака, что несут живительную влагу.

Поэт, правда — мы с тобой знаем, что такое дождь?!

Это колыбельная, которую поёт мать ребёнку; это нежное вино, которое охлаждает твои губы; это состояние человека, впервые сказавшего "люблю"; это красивая музыка, открывающая врата новой веры...

Ну, а вообще-то, поэт, нам с тобой не дано понять, что такое дождь. Это может понять только природа, чье спокойное состояние он предвещает, да радуга, разливающаяся над землей...

Так что, поэт, давай просто посидим и помечтаем под мерные звуки капель...

*Какой восторг, и сил какой напор
Во мне рождает это начертанье,
Я отвечаю, глядя на узор,
И вновь бужу уснувшие желанья.*

*Кто из богов придумал этот знак?
Какое исцеленье от унынья
Дает мне сочетание этих линий!
Расходится томивший душу мрак
(В. Гёте "Фауст")*